

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ОБЩЕСТВА
ПРОФЕССОР
Я. Я. РОГИНСКИЙ

НОВЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной в Центральном лектории
Общества в Москве

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА

1948 г.

Действительный член Общества

профессор

Я. Я. РОГИНСКИЙ

НОВЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

Краткая история вопроса

Вопрос о происхождении человека привлекал к себе внимание людей на самых разных ступенях культуры и всегда был связан с мировоззрением тех общественных групп, которые пытались дать его решение. В эпохи социальных потрясений и борьбы идей мысль с особой настойчивостью начинала работать над вопросами о сущности человеческой природы, об её коренных свойствах и основных потребностях. Это направление мысли вело к размышлению о том, как, где и вследствие каких причин человек впервые появился на земле.

Наиболее прогрессивные умы, опираясь на опыт и свободное от догматов исследование, всегда стремились понять, какое место занимает человек среди других живых существ. Однако успешность стремлений такого рода зависела, конечно, от уровня развития общества и совершенства методов научного познания в соответствующую эпоху.

Уже античные авторы проявляли большой интерес к тем особенностям человека, которые выделяют его из животного мира. Особое значение философы древности придавали руке. Так, древнегреческий философ Анаксагор, живший приблизительно в 500—428 годах до н. э., утверждал, что человек обязан своим высоким положением именно наличию у него руки. В сочинении Ксенофонта «Меморабилии» приводится мнение Сократа (469—399 годы до н. э.) о том, что человека возвысило над животными его вертикальное положение и возможность пользоваться руками для производства полезных предметов. Идея об огромной роли руки в формировании человека была широко распространена среди философов античной древности и перешла от них к учёным последующих столетий.

Один из наиболее крупных учёных эпохи средневековья, Альберт Больштадтский (1206—1280 годы), рассуждая о «критериях совершенства», подчёркивал, что только человек пользуется рукой, этим «органом оргачов и органом действенного ума».

Натуралисты и философы XVIII столетия в своих суждениях о природе человека также посвятили очень много места руке. Гельвеций в сочинении «Об уме» (1758 год) писал: «Если бы природа создала на конце нашей руки не кисть с гибкими пальцами, а лошадиное копыто, тогда, без сомнения, люди не знали бы ни ремёсел, ни жилищ, не умели бы защищаться от животных и, озабоченные исключительно добыванием пищи и стремлением избежать диких зверей, всё ещё бродили бы в лесах пугливыми стадами». В сочинении Кондильяка «Трактат об ощущениях» (1754 год) оживающая статуя становится мыслящей в полном смысле слова лишь с того момента, когда вступает в действие её рука, способная осязать предметы.

Все названные авторы до известной степени превосхитили идею Энгельса о роли руки и труда в процессе очеловечения обезьяны; однако очевидно, что все они чрезвычайно далеки от постановки проблемы антропогенеза, т. е. происхождения человека, и тем более от того её решения, которое было дано основоположниками диалектического материализма. Науке необходимо было пройти долгий путь построения общей теории эволюции органического мира, чтобы приблизиться к проблеме качественного своеобразия процесса происхождения человека.

Вполне понятно, что на ранних этапах развития научной мысли было легче заметить сравнительно быстро протекающие изменения в культуре народов, чем придти к убеждению об изменяемости живой природы. Ещё Демокрит (около 460—370 годов до н. э.) писал, что люди в далёком прошлом вели совсем иную жизнь, чем теперь, и уподоблялись зверям: они кочевали с места на место и брали от природы то, что могли найти в готовом виде. В борьбе против зверей люди должны были объединиться и таким образом познали своё единство. Они постепенно научились обозначать вещи словами и изобрели всякого рода искусства. Демокрит утверждал, что учителями людей были животные, которым человек подражал в своих действиях. От паука он научился ткачеству, от соловья и лебедя — пению, от ласточки — постройке жилищ. Картину постепенного развития культуры позднее дал римский поэт и философ Лукреций Кар (I век до н. э.) в поэме «О природе вещей». Он писал о том времени, когда люди не умели ни обращаться с огнём, ни укрываться шкурами животных, а закрывали своё тело ветвями кустов, чтобы укрыть себя от дождя или ветра. Нужда и пытливая мысль вызвали, по мнению Лукреция

Кара, дальнейшее улучшение быта людей, а именно производство орудий, изготовление одежды, домашней утвари, создание языка, письменности, общественных учреждений. Но античные мыслители, отмечая развитие человеческой культуры, как правило, оставались на точке зрения неизменности органического мира. Для многих позднейших мыслителей также было характерно противопоставление меняющегося состояния культуры, идущей по пути прогресса, неизменной природе.

Большую роль в подготовке эволюционной теории и её распространения на прошлое человечества сыграли идеи об иерархии органических существ, располагающихся в порядке их относительного «совершенства». Такую лестницу органических форм впервые дал Аристотель (384—322 годы до н. э.), поставивший на верхнюю её ступень человека — общественное животное «зоон политикон», обладающее «душой разумной», отличной от «души чувствующей», характерной для животных, и от «души питающей», которой наделены растения.

Идея о иерархии существ, увенчанной человеком, в новое время возродилась в наиболее отчётливой форме у естествоиспытателя Шарля Бонне (1720—1793 годы), построившего ряд, идущий от «тонких материй» — огня, воздуха и воды — через минералы, растения и животных к человеку, которому предшествует оранг-утан и — ещё ниже — обезьяна, четвероногие, белка-летяга и летучая мышь.

Жан Робинэ (1795—1820 годы) представлял себе мир как градацию существ, порождённых природой в результате неудачных попыток создать человека. Всего ближе к человеку стоит, по Робинэ, шимпанзе (которого он называет оранг-утаном). К этому выводу Робинэ приходит в результате очень подробного сопоставления анатомических особенностей людей и обезьян, причём основную разницу между ними он видит в строении газовых костей и стопы.

Сторонником идеи о градации организмов был также русский философ А. Н. Радищев, которому принадлежат следующие слова: «От камня и до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная. Явственна сия лестница веществ, древле уже познанная».

Представления такого рода оказались долговечными. Так, в сочинениях известного зоолога и палеонтолога середины XIX столетия Луи Агассица можно видеть пример попытки примирить

идею лестницы существ с теорией четырёх типов Кювье. В лекциях «О структуре животного мира», читанных Агассицем в 1862 году, он доказывал, что единой лестницы не существует, но что в пределах каждого типа, т. е. лучистых, членистых, моллюсков и позвоночных, можно заметить свой ряд градаций. Так, в типе позвоночных этот ряд начинается рыбой и заканчивается человеком.

Очень близко к идее лестницы существ стояла концепция о единстве плана творения, которую можно найти у большого числа авторов. Некоторые из них, например Ламеттри, в своих поисках параллелизмов сопоставляли даже части растения с различными органами человека.

Большая часть этих построений имела метафизический характер. Тем не менее представление о лестнице существ направляло мысль исследователей к изучению постепенных переходов от одного вида к другому, а идея единого плана — к познанию сходств между удалёнными формами. Тем самым они способствовали приближению научной мысли к эволюционной теории.

Таковыми же элементами учения об эволюции были представления многих натуралистов XVIII столетия об изменчивости в узких пределах растений, животных и человека под влиянием климата, почвы, условий питания и пр.; мысли о возможности происхождения хотя бы некоторых групп видов от общих родоначальников; гипотезы об огромной продолжительности геологического времени и о значении этой продолжительности для изменения организмов; различные учения о самозарождении организмов из неорганической материи и гипотезы о возникновении «целесообразных» качеств у живых существ без умысла творца, т. е. естественным путём, в результате процесса выживания только тех организмов, которые не были уродливыми по своему строению¹.

Все эти разрозненные идеи, носившие часто характер догадок, конечно, не могли ещё в то время сложиться в последовательную и стройную эволюционную систему. Тем более далёкой была возможность построения научной теории происхождения человека. Трудности на этом пути лежали не только в опасности нарушения церковных традиций, но и в самом существе предмета.

Среди философов и учёных XVIII столетия обозначились две очень различные тенденции в изучении человека. Первая, харак-

¹ См. И. М. Поляков. Курс дарвинизма. 1941 г. Учпедгиз. Часть первая.

терная для французских философов-материалистов, состояла в стремлении отрицать качественное различие между человеком и животными. Другая тенденция, которую можно найти в сочинениях известного натуралиста Бюффона, характеризуется резким противопоставлением человека и животных в области психической жизни при допущении большого сходства между ними в строении тела. Бюффон был знаком с работами анатомов, показавшими большую близость человека и высшей обезьяны по очень многим признакам. Кроме того он имел возможность сам изучить морфологию и повадки гиббона. Но Бюффон полагал, что душа проявляется только в одной форме — в мышлении — и что только человек обладает душой. В отличие от человека животные не управляют слабейшими животными, а только пожирают их, не говорят и не усовершенствуют своих умений. По мнению Бюффона, вследствие этого между человеком и животными лежит непроходимая пропасть. Невозможно допустить существование между ними каких бы то ни было промежуточных форм, которые могли бы сблизить их друг с другом.

Бюффон, правильно, хотя и односторонне, утверждая идею о глубоком, принципиальном различии между психикой человека и обезьяны, заходил, однако, в силу этой идеи в тупик, отказываясь от всякой возможности допустить переход от животных к людям. Наоборот, философы-материалисты XVIII века, ошибочно отрицая всякую грань между обезьяной и человеком, в то же время подготавливали почву для идеи о происхождении человека от животных предков.

Это противоречие не было разрешено и столетием позднее, когда гениальные труды Чарльза Дарвина привели к торжеству эволюционной теории. Нетрудно заметить, что разногласие между Ч. Дарвином и А. Уоллесом¹ в проблеме происхождения человека во многом сходно с тем, которое было характерно для философской мысли XVIII века.

Дух французских материалистов живёт в идее Дарвина о том, что все различия между человеком и животными суть различия только количественные. Наоборот, убеждение Уоллеса в необходимости полностью выделить человека из всей остальной природы сближает его с Бюффоном. В этом случае с

¹ Альфред Уоллес (1823—1913) — английский натуралист, пришедший, независимо от Ч. Дарвина, к идее о происхождении видов путём естественного отбора.

очевидностью обнаруживается, что, когда качественное своеобразие человеческой природы основывается на идеалистической концепции, немедленно отрицается животная родословная человека, и проблема возникновения человека уходит за пределы науки. Наоборот, механистическое отрицание качественного различия между человеком и животными препятствует пониманию хода процесса очеловечения обезьяны, так как мешает правильному истолкованию причин и следствий этого процесса.

Разрешение названного противоречия было дано только в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Замечательно, что принципиальные основы для этого решения были представлены уже в «Немецкой идеологии», т. е. в 1845 году. Они получили своё окончательное выражение в трудах Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». Маркс и Энгельс видят в появлении человека результат «разрыва постепенности развития» животного мира. Человек появляется вследствие скачка в развитии, приведшего к рождению в человеке новых, особых качеств. Благодаря этим качествам биологические закономерности во взаимоотношениях индивидов сменились закономерностями социальными путём перехода предшественников человека от простого потребления и накопления продуктов природы к производству орудий и к преобразованию природы с помощью общественного труда.

Эта точка зрения открыла новые горизонты в исследовании проблемы происхождения человека (антропогенеза). Она поставила науку перед необходимостью объяснить, каким образом возникло то новое, что заключается в человеке и что позволяет противопоставить его всем другим органическим существам. Современная антропология, чтобы подойти к построению теории антропогенеза, должна, опираясь на только что изложенные принципы, разделить весь процесс становления человека на ряд сменявших друг друга стадий. По отношению к каждой из них должен быть поставлен вопрос о том, что внесла эта стадия в общий ход изменений человеческого типа, где, когда и вследствие каких причин осуществились эти перемены.

В задачу настоящей лекции не входит рассмотрение процесса развития человека в целом. Здесь будут кратко изложены некоторые новые теории, относящиеся только к периоду происхождения

человека в его древнейшей форме. Что касается последующих этапов человеческой эволюции, — они должны составить предмет особой лекции. Само собой разумеется, однако, что первые шаги в процессе очеловечения обезьяны не могут быть выяснены без привлечения материала, относящегося к более поздним представителям человеческого рода.

Разногласия в вопросе о генеалогии человека

Близкое сходство человека и высших обезьян было отмечено уже первым учёным, который дал описание строения тела шимпанзе, — голландским анатомом Николаем Тульпом (1593 — 1674 годы). Тульп называл шимпанзе «оранг-утаном» и предложил для него наименование «лесной человек». Ещё более детально проанализировал близость высшей обезьяны к человеку знаменитый английский анатом Эдвард Тайсон (1649—1708 годы) в трактате «Анатомия пигмея в сравнении с мартышкой, обезьяной и человеком» (1699 год). «Пигмей», или «оранг-утан», или «лесной человек», или «дикий человек», как называет Тайсон объект своего исследования, — это также шимпанзе из Анголы. Тайсон писал, что это животное, наиболее близко стоящее к человеку, кажется связующим звеном между началами животным и разумным и что человек является в свою очередь связующим звеном между этим существом и ангелом(!). В 1760 году один из учеников Линнея — Гоппиус — писал, что некоторые обезьяны, в особенности так называемые «антропоморфные» (человекоподобные), настолько похожи на человека в строении тела, лица, ушей, рта, зубов, рук, грудных желез, а также в отношении потребляемой ими пищи, подражания, жестов, что отличительные признаки, достаточные для разграничения одного рода от другого, обнаруживаются с величайшим трудом.

В начале XIX века наблюдения анатомов позволили уже сделать некоторые обобщения, значительно облегчившие позднейшую борьбу Гексли за идею Дарвина о происхождении человека от высшей обезьяны. Антрополог Бори де Сан Венсан в 1827 году, т. е. почти за сорок лет до Гексли, писал, что у оранга на задней конечности настоящая стопа, а не рука, вопреки названию «четверорукие», предложенному для обезьян более ранними авторами; Бори также утверждал, что оранги ближе к людям по своему строению, чем к обезьянам с хвостом.

Наблюдения, устанавливающие сходство между человеком и

антропоморфными обезьянами, получили новое значение в результате трудов Дарвина и его сторонников. Они были признаны огромным большинством учёных за доказательство родства человека с высшими обезьянами. К богатейшему материалу, собранному Дарвином, присоединились результаты последующих исследователей.

Теория Дарвина получила подтверждение не только в анатомических работах. В течение последних десятилетий были изучены тонкие срезы ткани коры мозга человека и многих других млекопитающих. Наиболее сходными оказались структуры коры мозга у человека и шимпанзе. Большое место в этих исследованиях заняли труды советских учёных в Ленинградском и Московском институтах по изучению мозга. Так, Ю. Г. Шевченко показала (1940 год), что протяжённость нижнетеменной области, большое развитие которой характерно для мозга человека, относительно велика и у крупных антропоморфных обезьян. Наиболее тонкая динамическая организация коры мозга (в смысле тонкости и дискретности¹ отдельных движений) среди обезьян оказалась у шимпанзе, гориллы и оранга. Сходство человека и высших обезьян проявилось в ряде исследований реакций крови.

Исследование белкового обмена показало, что шимпанзе очень напоминает человека в том отношении, что у него в отличие от других исследованных млекопитающих (свинья, собака, низшие обезьяны) не происходит дальнейшего превращения мочевого кислоты в аллантаин, а выделяется мочевиная кислота, как таковая.

Обширный материал, показывающий большое сходство человека и антропоморфных обезьян в их высшей нервной деятельности, представили исследования русских учёных, главным образом И. П. Павлова и его школы. Многочисленные факты, освещающие близость антропоморфных к человеку, доставили также экспериментальные работы по психологии обезьян Н. Н. Ладыгиной-Котс и других советских зоопсихологов.

Успехи палеонтологии были не менее существенны для обоснования симиальной теории, т. е. теории родственной связи человека и высших обезьян. Было важно найти такие остатки ископаемых обезьян, которые бы по строению своего скелета отличались от человека в меньшей степени, чем ныне живущие

¹ Дискретность — расчленённость, независимость.

африканские и азиатские антропоиды. И эти формы были найдены.

В начале нашего века в известняках Венской котловины, относящихся к среднему миоцену¹, был обнаружен задний нижний коренной зуб древней обезьяны. Его обладатель был назван дриопитеком Дарвина. Этот зуб по большей части своих особенностей (бугорки, бороздки жевательной поверхности) очень сильно напоминает человеческий. От дарвинова дриопитека сохранились (найденные в том же месте) ещё два зуба: верхний задний молочный коренной и верхний второй постоянный коренной.

В 1934 году были найдены остатки выших обезьян в третичных слоях Сиваликских холмов, у подножья Гималаев, в Индии. Одна из этих обезьян была названа рамапитек короткомордый. От этой обезьяны в плиоценовых отложениях сохранился фрагмент верхней челюсти с рядом зубов. Между клыком и резцом у рамапитека почти нет промежутка («диастемы»); его отсутствие является признаком, типичным для человека. Имеются и другие особенности зубов, сближающие рамапитека с человеком.

Значительные подтверждения симиальной теории дают находки выших обезьян на юге африканского материка: австралопитека (1924 год), плезиантропа (1936 год) и парантропа (1938 год). Сходство названных форм с человеком по некоторым признакам настолько велико, что привело отдельных авторов к гипотезе о возможной принадлежности их уже не к обезьянам, а к древнейшим людям. По мнению африканского палеонтолога Брума, три упомянутые существа должны рассматриваться как типы анцестрального (предкового) человека, немного более примитивные, чем питекантроп².

Упомяну ещё об одной новейшей находке, сделанной английским антропологом Лики в 1942 году, также на африканском материке. Речь идёт о нижней челюсти высшей обезьяны, обнаруженной в небольшой скале из нижнемиоценовых отложений в Рузинго-Эйленде (Виктория Нианца). По мнению Лики, подборо-

¹ Третичный период в истории земли подразделяется на два отдела: более древний — палеоген и более новый — неоген. Первый делится на три подотдела: палеоцен, эоцен и олигоцен, а второй — на миоцен и плиоцен. После плиоцена наступает четвертичный период. Древнейшие остатки людей относятся к самому началу четвертичного периода.

² Питекантроп — «обезьяночеловек», существо, остатки которого (черепанная крышка, бедренная кость и несколько зубов) были найдены в 1891—1892 гг. на острове Ява голландским учёным Евгением Дюбуа.

док этой челюсти более вертикален и менее скошен назад, чем у всех крупных обезьян.

К этим фактам, подкрепляющим симиальную теорию, следует присоединить те «обезьяньи» особенности, которые были обнаружены на черепах и зубах яванского питекантропа и различных других примитивных гоминид¹ с острова Ява, на фрагментах синантропа², на многочисленных остатках неандертальских людей³ и близких к ним форм.

Казалось бы, эти данные должны были исключить всякие сомнения в правильности теории происхождения человека от живших в третичном периоде, ныне ископаемых высших обезьян. Однако известно, что это не так. Наоборот, удивительным образом, по мере накопления богатейшего материала по сравнительной анатомии, гистологии, физиологии, палеонтологии и другим дисциплинам материала, который усиливал доводы симиальной теории, всё более настойчиво поднимали свой голос и её противники.

Необходимо остановиться прежде всего на крупном английском анатоме и антропологе Вуд-Джонсе. Начиная приблизительно с 1918 года, он отстаивал идею о том, что человек не происходит от ствола антропоморфных обезьян, что на родословном древе приматов⁴ ветвь предков человека возникла раньше, чем ветви антропоморфных и низших обезьян. Таким образом Вуд-Джонс считал возможным объяснить многие примитивные особенности человека, отсутствующие у обезьян. Сходство человека с высшими обезьянами, по мнению Вуд-Джонса, — явление чисто внешнее и объясняется позднейшим схождением признаков (конвергенцией). Развитие высших обезьян и людей, по мнению этого автора, пошло до известной степени в сходном направлении потому, что

¹ Гоминиды — люди в широком смысле, т. е. группа, включающая всех современных, древних и древнейших людей.

² Синантроп — один из древнейших представителей гоминид, многочисленные остатки которого (черепа, зубы, обломки длинных костей, примитивные орудия, следы огня) были обнаружены под городом Бейпином в Китае, близ селения Чоу-жоу-тянь, в период от 1927 до 1937 года.

³ Неандертальский человек — древний тип человека, предшественник и ближайший предок современного типа человека. Его остатки найдены в Западной Европе, в Крыму, в Палестине, в Средней Азии, в Африке, на острове Ява.

⁴ Приматы — один из отрядов млекопитающих, в который входят люди, обезьяны, лемуры, долгопяты.

и те и другие сменили древесный образ жизни своего отдалённого общего предка на наземный: человек — в большей мере, антропоморфные обезьяны — в меньшей. Каков же был этот общий предок? По Вуд-Джонсу, это был «тарзиоид» — существо, жившее на заре третичного периода, в эоцене, и сходное с современным долгопятом, только без черт крайней специализации этого зверька.

Гипотеза Вуд-Джонса совершенно неприемлема. Конечно, ни один современный антрополог не думает, что человек происходит от какой-либо из ныне живущих обезьян. Однако нет никакой возможности объяснить огромное число признаков, сближающих человека и антропоморфных обезьян, переходом к наземной жизни. Прежде всего, ни о каком наземном образе жизни некоторых обезьян, например оранга, вообще не приходится говорить. Затем, какое отношение к наземной жизни может иметь сходство человека с высшими обезьянами в строении ушной раковины, нёбных костей, в большом проценте наличия теменных отверстий, в строении жевательной поверхности коренных зубов, в структуре мозга, плаценты, в группах крови и т. д.? Наконец, облик тарзиоидного предка (который должен, по Вуд-Джонсу, в генеалогии человека заступить место высшей обезьяны) теряет всякие реальные контуры, если удалить из него черты его специализации и его крайней примитивности. Что, в самом деле, останется от долгопята, если отнять у него его огромные орбиты, клавишеобразные окончания пальцев, своеобразное удлинение стопы, очень длинный хвост, срастание малой и большой берцовых костей, наличие одной пары резцов в нижней челюсти и другие особенности, представляющие собой отклонение от общего типа приматов? Кроме того, несмотря на ряд черт, сближающих его с обезьянами, долгопят, с его гладким мозгом, с осязательными волосами на лице, примитивным строением кишечника, зубов и т. д., в общем стоит на столь низкой ступени в отряде приматов, что назвать его предком человека — значит, в сущности, ничего не сказать: вся лестница форм, идущая к человеку, остаётся в этом случае пустой.

Вуд-Джонс не одинок в своём отрицании родства человека и обезьян. В течение последних двадцати лет, однако, появился ряд работ, авторы которых в своей борьбе против теории Дарвина пошли гораздо дальше, чем Вуд-Джонс, и дошли до явных научных нелепостей и абсурдов.

Немецкий антрополог Макс Вестенгефер утверждает (1935 год), что вообще никакого родословного древа человека не было; был куст с очень широким основанием и параллельными ветвями. От древнейших млекопитающих непосредственно отошли линии предков всех современных видов, между которыми поэтому нет никаких родственных связей. Человек в большей степени, чем другие млекопитающие, сохранил примитивное строение. Человек поэтому — «прамлекопитающее». Такую же точку зрения поддерживали некоторые палеонтологи. Эдгар Даке не удовлетворился утверждением этой степени примитивности человека, но предложил (1929 год) рассматривать человека как древнейшее животное вообще. Стали раздаваться голоса о том, что в человеческом организме имеются следы его происхождения от водных млекопитающих.

Псевдотеории подобного рода свидетельствуют о серьёзном кризисе теоретической мысли, наступившем в зарубежной науке.

Последовательное развитие принципов материалистического учения об эволюции человека неминуемо ведёт к признанию концепции диалектического материализма, а тем самым и к определённым социальным выводам. Эти выводы, конечно, неприемлемы для реакционных учёных Запада. Вследствие этого слишком многие из зарубежных антропологов не пожелали участвовать в действительно поступательном движении науки. Они предпочли заменить искания истины симулированием новизны, пренебрежением к великому наследию прошлого, игрой в протест против «предвзятых мнений». Эта мнимая «молодость духа» на самом деле представляет собой неудержимое стремление назад, открыто бросает вызов научной теории эволюционного процесса и знаменует глубокую реакцию.

Более специальный интерес представляют продолжающиеся разногласия в среде сторонников «симиальной теории».

Расхождения вызывает, например, вопрос о том, кто из антропоморфных обезьян ближе стоит к человеку. Всего менее защитников находит себе точка зрения об особой близости человека к оранг-утану. Гораздо более распространено в настоящее время, как и в прошлом столетии, мнение о близости человека к африканским антропоморфным — шимпанзе и горилле. В течение последних двадцати лет появилась тенденция несколько больше сближать человека с гиббонами. Гиббоны, однако, обладают большим количеством черт, которые делают их сходными с низ-

щими обезьянами (малые размеры тела, седалищные мозоли, простая структура мозга, в частности мозжечка); с другой стороны, гиббоны характеризуются многими чертами крайней специализации (длинные руки, особые черты расположения мышц верхней конечности, относительно очень большие клыки и т. д.). Все эти особенности, без сомнения, удаляют гиббона от человека.

Различия мнений по вопросу о генеалогии человека, о которых шла речь, касаются современных приматов. Однако обширные материалы по палеонтологии приматов также поставили много новых вопросов о родственных отношениях между человеком и обезьянами.

Вполне понятно, что разногласия относительно близости людей к антропоморфным вообще и к некоторым из них в частности должны были перейти в область хронологии человеческой эволюции. Разгорелся спор о том, в какую геологическую эпоху отошёл от других стволов ствол, приведший к человеку. Одни учёные полагали, что отделение человеческой линии развития произошло чрезвычайно давно, в верхнем эоцене, другие — в начале олигоцене; по мнению третьих, предки людей отделились от древних обезьян в миоцене.

Каково значение этих разногласий? Очевидно, что они связаны всё с тем же вопросом о близости человека к обезьянам. Чем менее тесной представляется автору связь между ними, тем глубже в прошлое отодвигает он момент разделения их родословных линий. Для аргументации в этом случае антропологи, понятно, должны использовать палеонтологический материал.

Сторонники миоценового возраста исходной формы в человеческой родословной обычно ищут эту предковую форму среди дриопитеков. Выше уже было сказано, что наиболее близким к человеку был так называемый дарвинов дриопитек. Однако мы очень мало знаем об этом существе. Кроме нескольких коренных зубов, от него ничего не сохранилось. Более известны нам миоценовые антропоморфные обезьяны, от которых сохранились клыки (например, фонтанов дриопитек, найденный во Франции, сиваликский сивапитек из Индии, африканский проконсул из Кении). Эти антропоморфные обладали клыками конической формы, сильно выступавшими за линию зубного ряда. Многие учёные высказали сомнение в том, чтобы человек с его маленьким клыком мог произойти от таких животных. Однако другие исследователи справедливо указывают на очень большую величину корня, которой ха-

рактируется клык современного человека, как на доказательство того, что наши предки могли обладать значительно более крупными клыками, чем ныне живущие люди.

На этом основании советские учёные, специально занимающиеся проблемой генеалогии человека, М. А. Гремяцкий и М. Ф. Нестурх, считают, что дриопитеки представляют собой своего рода пучок более или менее близких между собой ветвей, из которых одни показывают пути развития, ведущие к гориллам, другие — к шимпанзе, третьи — к формам, промежуточным между ними, четвёртые — к формам, ныне не существующим, наконец, пятые — к человеку. По мнению названных исследователей, дальнейшее развитие предков человека прошло стадию, о которой более или менее точное представление могут дать упомянутые выше находки из Южной Африки, т. е. австралопитек, плезиантроп, парантроп.

Гипотеза о «древесной стадии» в эволюции предков человека

В 1917 году геолог Баррел выдвинул гипотезу о происхождении человека на полупустынном плато в противовес гипотезе Дарвина о «лесном» предке человека. Независимо от Баррела палеонтолог американец Осборн пришёл в 1923 году к той же точке зрения под впечатлением своего путешествия в пустыню Гоби. Позднее Осборн сформулировал эти взгляды в форме теории о третичном человеке, который уже «хранил в себе» все основные особенности современного человека. Когда эоценовые леса на всех континентах начали сокращаться, а ландшафт открытых равнин стал занимать всё большее пространство, среди огромного числа групп млекопитающих стали развиваться наземные бегающие формы. Можно ли допустить, говорит Осборн, что только приматы избежали этого направления развития? Осборн относит период происхождения наземного образа жизни человека в олигоцен. В доказательство правильности своих взглядов он ссылается на находки в плиоценовых отложениях Англии очень грубых орудий «эолизов», якобы сделанных рукой человека, на находку в третичных слоях так называемого «эоантропа», или пильтдаунского человека, мозг которого почти не отличается от мозга современного человека, а также на то обстоятельство, что человек — существо, вполне приспособленное к наземному образу жизни, и что даже в своём эмбриональном

развитии рука человека не проходит стадии, на которой она бы напоминала хватательную конечность антропоморфных обезьян.

Одним из наиболее энергичных противников Осборна в течение ряда лет был другой американский палеонтолог, Вильям Грегори. Этот учёный указывал, что человеческая стопа, несмотря на её поверхностное отличие от стопы гориллы, по своему внутреннему плану очень сходна с нею.

Гипотеза о том, что древесная стадия была пройдена предками человека уже на заре третичного периода и не оставила следов в строении человеческого тела, была поддержана крупным советским археологом Г. А. Бонч-Осмоловским. Этот исследователь в 1924 году нашёл кости голени, стопы и кисти ископаемого человека в Крыму, в пещере Киик-Коба. Оказалось, что по очень многим особенностям кисти и стопы этот древний человек, повидимому родственник неандертальцам, более резко отличался от высших обезьян, чем современный человек. В частности, кисть киик-кобинца была очень широкой и суставные поверхности большой многоугольной кости и первой пястной были не седловидными, а плоскими, в отличие как от современного человека, так и от высших обезьян. Таким образом, первый палец на кисти ископаемого человека из пещеры Киик-Коба не обладал подвижностью и достаточной способностью к противопоставлению. Найдя аналогичные особенности на кисти неандертальцев Западной Европы, Бонч-Осмоловский пришёл к выводу о том, что предки человека в течение очень продолжительного времени были по преимуществу четвероногими, бегающими существами, которые лучше лазали по скалам, чем по деревьям. Такими же были и предки высших обезьян. Сходство же в строении кисти у антропоморфных обезьян, например шимпанзе и гориллы, и у человека возникло вторично в силу случайной конвергенции: у антропоморфных гибкость пальцев выработалась под влиянием лазания и древесного образа жизни, у человека — под влиянием совершенствования трудовых действий.

С изложенной точкой зрения, однако, не позволяет согласиться большое количество фактов из разных областей антропологии.

Прежде всего, не все древние люди обладали строением кисти, сходным с кииккобинским. В Палестине, в пещерах горы Кармел, были найдены неандертальцы, у которых пальцы руки обладали всеми признаками гибкости пальцев современного человека. Иско-

паемый материал, таким образом, вполне позволяет связать родословную человека с высшими приматами.

Далее, многие особенности анатомии современного человека трудно объяснить, если исключить из эволюции его предков древесную стадию. Прежде всего общие пропорции тела человека сближают его с древесными млекопитающими. Если выразить в процентах отношение длины руки (плечевая кость плюс локтевая) к длине позвоночника, то окажется, что у наземных млекопитающих этот показатель колеблется приблизительно в пределах от 40 до 45; у древесных млекопитающих, не относящихся к группе приматов, он равен приблизительно 70; у приматов — 50—150, у человека — 90. Суставные площадки на нижнем конце плечевой кости обезьян обнаруживают «тенденцию» к разделению на две— для лучевой и для локтевой костей; эта особенность, как показал А. Н. Дружинин, характерна для обезьян, как лазающих животных. Эта же особенность отчётливо выражена у человека. Американский анатом Рэйвен, сравнивая строение задней лапы медведя, стопы обезьяны и человека, установил, что поверхностная головка короткого сгибателя пальцев у медведя — сухожильная, как и у других наземных млекопитающих. У приматов и у человека эта мышца мясиста. Способность к сгибательным движениям пальцев была, следовательно, сильно развита у предков человека, что говорит против его происхождения от бегающих по земле четвероногих животных. Мышца, отводящая большой палец, как известно, имеет на стопе у человека две головки — косую и поперечную; очень сходное устройство имеется у гориллы, что связано, очевидно, с хватательным типом её стопы; несмотря на то, что медведь — стопоходящее животное, хорошо сохранившее на стопе пять пальцев, он не обладает поперечной головкой названной мышцы. Теснейшая близость человека к древесным формам, таким образом, не подлежит сомнению, даже в таком характерном для человека органе, каким является его стопа, служащая опорой при стоянии и ходьбе.

Для бегающих по земле животных, если они специализировались в такого рода передвижении, характерны утолщение и утолщение средних пальцев стопы при недоразвитии боковых, как внутренних, так и наружных. С особенной яркостью это явление можно наблюдать в эволюции копытных животных, как в Старом Свете, так и на американском материке. Установлено, что наземные прыгающие сумчатые животные характеризуются

ются сильным недоразвитием или полным исчезновением на стопе первого (большого) пальца и удлинением четвёртого в отличие от древесных сумчатых, у которых первый палец хорошо развит и отодвинут от остальных. Каким образом первый палец стопы мог сохраниться и сделаться наиболее массивным из всех пальцев стопы у человека, если человеческие предки никогда не вели древесного образа жизни? Каким образом, в таком случае, наземные четвероногие предки человека в течение миллионов лет наземного существования не утратили ключицу, которая отсутствует у копытных, у очень многих хищников? Почему предки людей не стали пальцеходящими и сохранили способность к очень широким вращательным движениям в плечевом суставе?

Большой интерес для решения рассматриваемой проблемы представляют те кожные узоры, которые имеются у человека на ладонной стороне концевых фаланг пальцев, на ладонях и на подошвах стопы. Эти узоры, получившие название «папиллярных», представляют собой гребешковый рельеф тонкого строения, роль которого в жизни человека ещё не вполне выяснена. Советский антрополог М. В. Волоцкой, изучив с этой точки зрения разных животных, пришёл к выводу, что у животных, ведущих древесный образ жизни и лазящих при помощи хватательных движений, наблюдается замена островкового папиллярного рельефа гребешковым: изолированные возвышения кожи сменяются линейно расположенными сосочками, срастающимися в папиллярные гребешки. Островковый рельеф оказался у собаки, у енота. У цепкохвостого кинкажу¹ папиллярный рельеф также островкового типа, но уже имеются тенденции к линейному расположению островков. У сумчатого животного опоссума, конечности которого обнаруживают способность к хватательным движениям, можно наблюдать дальнейший шаг вперёд к развитию рельефа гребешкового типа; то же относится к другим сумчатым с хватательными способностями конечностей. У приматов — этих в общем весьма типичных древесных животных, обладающих хватательным характером стоп и кистей, — особенно хорошо развиты папиллярные узоры. Из всех этих фактов и из наличия гребешкового рельефа у человека Волоцкой делает вывод, что предки человека прошли в своей эволюции древесную стадию.

¹ Кинкажу — близкое к енотам животное, которое водится в девственных лесах Бразилии, Перу и далее на севере, в Мексике и Флориде. Носит название «цепкохвостого медведя».

Многие авторы указывают на то, что древесному образу жизни своих предков люди обязаны такими особенностями, как сравнительно малая плодовитость; женщина, как правило, рождает одного ребёнка; с этим связано наличие у человека только одной пары сосков. Рождение одного детёныша свойственно и всем обезьянам (кроме маленьких американских обезьянок — игрунковых, рождающих 2—3 детёнышей), что объясняется неудобством для матери при жизни на деревьях иметь больше чем одного новорождённого.

Человек, как и обезьяны, обладает стереоскопическим зрением¹, вследствие того, что глаза у него расположены в одной фронтальной плоскости, а не расставлены по бокам головы, как у большей части остальных млекопитающих. Очевидно, что эта способность, позволяющая точно оценивать глубину, особенно важна при передвижении по ветвям, где очень часто приходится делать прыжки разной силы и где необходимо каждый раз заново соразмерять эту силу с расстоянием от намеченной для прыжка точки. Самый факт относительно большей остроты зрения у человека по сравнению с чувством обоняния сближает его с обезьянами и может быть объяснён древесным образом жизни его предков.

Какую огромную роль в происхождении человека сыграло присутствие в его родословной древесных форм с их хватательной рукой, легко понять, если вспомнить о роли труда в очеловечении обезьяны. Человеческая рука, этот орган труда, не могла бы развиться непосредственно из конечности четвероногого животного.

Если, таким образом, гипотеза о древесной стадии в эволюции предков человека может считаться доказанной, то, с другой стороны, было бы ошибкой полагать, что предки человека были формами узко специализированными, т. е. только лазающими и не способными к беганию по веткам и по земле, и что переход от древесной жизни к наземной совершился недавно, на границе четвертичного и третичного периодов или, тем более, в начале четвертичного времени.

Как далеко заходили в этом убеждении некоторые учёные, видно на примере Мортилье, знаменитого французского археолога, который полагал, что даже неандертальский человек ещё жил на деревьях, как это якобы следует из его анатомического строения. Конечно, не только неандерталец, но и более древние люди уже были вполне наземными существами, хотя походка их ещё могла

¹ Стереоскопичность зрения — способность видеть объём и глубину предметов.

сильно отличаться от походки современного человека. Более того: упоминавшиеся здесь несколько раз остатки африканских обезьян — австралопитека, плезиантропа и парантропа — позволяют думать, что наземный образ жизни вели уже предшественники древнейших людей, животные предки которых некогда обитали на деревьях.

Какие доказательства можно привести в пользу этого предположения? Прежде всего, состав той фауны, которая связана с названными находками. Особенно большой интерес представляют остатки ископаемых животных, найденных вместе с австралопитеком, потому что это, повидимому, наиболее древняя форма из всех трёх. Брум относит её к плиоцену. Количество ныне исчезнувших родов животных составляет там гораздо больший процент, чем в остатках фауны, окружавшей плезиантропа и парантропа. Что же показало изучение животных, среди которых жил австралопитек? Оказалось, что ни один вид из этих животных не принадлежал к числу древесных. При исследовании костей в этих пещерах больше всего найдено остатков павианов, которые, как известно, живут обычно на скалах и в открытых местах. Были найдены кости так называемого долгонога, очень похожего на современного кафрского долгонога, которого в прежнее время зоологи относили к тушканчикам. Некоторые из обнаруженных животных принадлежали к видам, обитающим в очень сухих местах.

Кроме того, современный геологический характер области, где были сделаны эти находки, а также её растительный покров свидетельствуют против того, чтобы в конце плиоцена или в начале плейстоцена там произрастали леса тропического типа.

Наконец, по мнению Брума и других антропологов, некоторые анатомические особенности самих «австралопитековых» (как называют всех ископаемых южноафриканских антропоморфных, о которых здесь идёт речь) говорят об их способности ходить на двух ногах. Такими признаками являются, например, положение затылочного отверстия, сдвинутого вперёд у парантропа, сходное с человеческим строение нижнего конца бедренной кости плезиантропа и т. д.

Если дальнейшие исследования подтвердят эти наблюдения, то придётся сделать вывод о наземном образе жизни и более или менее вертикальном положении тела у предшественников человека. Этот вывод имел бы большое теоретическое значение. Пришлось бы допустить, что уже предки древнейших людей прошли

долгую, суровую школу жестокой борьбы за существование. Окружённые врагами, среди всех опасностей наземной жизни они были принуждены сплотиться в тесные группы, чтобы с помощью палок и камней отвоёвывать у хищников пещеры для охраны потомства и для ночлега.

Вопрос о прародине человечества и его различные решения

Почти невозможно назвать такую область на земном шаре, которую бы не предлагали считать прародиной человечества. Кто склонялся к Европе, кто — к Африке, одни — к Центральной Азии, другие — к арктическим странам, некоторые — к Австралии, а также к Америке. Это разнообразие мнений, однако, вовсе не означает полной неопределённости в состоянии вопроса. Некоторые из указанных точек зрения настолько противоречат всем известным фактам, что почти не имеют защитников в науке.

Человек принадлежит к «узконосых» антропоидов и мог возникнуть только в Старом Свете, так как Америка — родина «широконосых» обезьян.

В Австралии местная фауна не могла породить человека, так как в Австралийской области почти полностью отсутствуют высшие млекопитающие. Последние представлены здесь лишь эндемичными видами летучих мышей и несколькими родами грызунов, проникших на территорию области, вероятно, на пловучих стволах деревьев.

Имеются веские доказательства в пользу того, что туземцы Америки (индейцы) и Австралии (австралийцы) пришли на эти континенты с азиатского материка на стадии культуры, называемой «мезолитом», приблизительно 10 000—15 000 лет тому назад. Предки индейцев шли из Восточной Сибири и переправились через Берингов пролив. Предки австралийцев двигались из Индо-Китая через острова Малайского архипелага и несомненно пользовались лодками.

Никаких конкретных доказательств происхождения человека в Арктике не имеется, так как Арктическая подобласть, занимающая главным образом острова Ледовитого океана, его побережье, а также тундры и лесотундры, чрезвычайно удалена как от современного ареала распространения обезьян, так и от тех мест, где были найдены ископаемые антропоморфные.

Гораздо более веские основания имеются у авторов других гипотез.

Идею о происхождении человека на периферии пустынь Центральной Азии развивал палеонтолог Абель, причём его убеждение в правильности этой идеи укрепили мысли, возникшие у него вследствие одного случайного повода. Летом 1920 года Абелью пришлось увидеть в горах Тироля, как один охотник, преследуя серну, карабкался с необычайной ловкостью по скале, почти отвесной. Не явились ли для предков человека горы той средой, где они смогли научиться ходить в выпрямленном положении? Одновременно с Абелем и независимо от него эту гипотезу стал защищать известный русский зоолог Сушкин.

Большое место в рассуждениях Абеля об азиатской прародине древнейших людей заняли факты палеонтологии, именно материалы по ископаемым животным из областей, представляющих собой далёкую периферию центрально-азиатского массива. Для самого конца миоцена в Европе характерно значительное сокращение площади, занятой так называемым Сарматским морем. Освобождаются большие открытые пространства. Появляется новая фауна. Яркую картину ландшафта Южной Европы в эту эпоху даёт геолог А. П. Павлов: «Степи, частью выжженные солнцем, зелёные луга и пастбища занимают обширные и ровные пространства, орошаемые реками, то многоводными, то пересыхающими, и местами вдаются глубоко в долины гор. Большие стада конеобразных гиппарионов, теперь вымерших трёхпалых лошадей, оживляют эти пастбища; вместе с ними пасутся многочисленные антилопы, длинноногие жирафообразные элладотерии, большие мастодонты и носороги; страшные с саблевидными зубами махайроды — родственники тигров — подстерегают свою добычу, предки гиен — иктитерии — пользуются остатками их трапезы»¹.

Эта фауна получила название «пикермийской», так как особенно богатые её остатки были найдены у Пикерми, близ Афин. Однако сходная ископаемая фауна была распространена чрезвычайно широко не только в Южной Европе, но и в Передней Азии, в Сиваликских холмах, в Бирме, в Китае. Интересно, что обезьяна, найденная в Пикерми и названная мезопитеком, по мнению некоторых исследователей, была не древесной, а наземной (конечности её были несколько укороченными).

Основная мысль гипотезы Абеля состоит в том, что пикермийская фауна возникла в Центральной Азии. В результате изменения

¹ А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека, стр. 152. М.-Л. 1936 г.

климата, который становился всё более сухим, и развития пустынных пространств началось массовое переселение этих животных на далёкую периферию. Предки древнейших людей, близкие к антропоморфным обезьянам, также жили, по мнению Абея, в Центральной Азии. Когда началось высыхание этих областей, человеческие предки были вынуждены переменить древесную жизнь на лазание по скалам. Этот процесс шёл в плиоцене. Абель обращает внимание на то обстоятельство, что древнейший представитель человечества — питекантроп — найден на острове Ява, которая в конце плиоцена составляла часть азиатского материка.

Эта гипотеза получает ныне новое подтверждение в находке на острове Ява в 1939 году обломка верхней челюсти и нескольких костей мозгового отдела черепа. Обладатель этих останков получил название «питекантроп IV». Названная находка сочетает признаки питекантропа, найденного в 1891 году, с чертами ещё большей примитивности. Особенности человека и обезьяны уживаются рядом у этого замечательного существа. На верхней челюсти у него промежуток между клыком и резцом, как у оранга; у него огромная ширина основания черепа при очень малой его высоте; уплощённый сверху затылок, исключительно большое нёбо и другие особенности, резко отличающие его от современного человека. Но положение затылочного отверстия у «питекантропа IV» примерно такое же, как и у современного человека; строение зубов в общем напоминает синантропа; ёмкость мозгового черепа равна приблизительно 900 см³, т. е. такая же, как у питекантропа, и приблизительно в полтора раза больше, чем у самых крупных обезьян.

Однако если эти факты говорят за азиатское происхождение древнейших людей, то не следует забывать и тех доводов, которые приводят сторонники африканской прародины человека. Они обращают внимание на промежуточное положение, которое занимают между человеком и высшими обезьянами «австралопитековые», найденные на юге Африки, и в особенности на их наземный образ жизни. Что касается азиатского происхождения пикермийской фауны, говорящего о том, что центром возникновения недревесных высших приматов была Центральная Азия, то, повидимому, имеются основания сблизать пикермийскую фауну также и с современным животным миром экваториальной Восточной Африки (если исключить из пикермийской фауны оленей). М. А. Мензбир допускал возможность того, что пикермийская фауна имела корни от-

части в миоценовой азиатской, отчасти в миоценовой африканской фауне, причём обе были очень сходными друг с другом.

Таким образом, современные данные пока не позволяют сделать окончательный выбор между обоими материками. Одно, по видимому, несомненно, что в эпоху верхнего миоцена, когда на смену пышному расцвету древесной растительности пришло развитие травянистых пастбищ и степных пространств, в отряде приматов наметились линии формирования наземных видов. Среди них могли быть и отдалённые предки древнейших гоминид. Но эти соображения относятся уже к вопросу о факторах происхождения человека. В заключение этой главы укажем лишь на то, что роль лазания по скалам, вероятно, была преувеличена. Даже в горах далеко не всегда приходится опираться на руки при подъёме; спускаться же таким способом пришлось бы, пятясь назад. Кроме того, трудно себе представить, каково должно быть устройство стопы, специально приспособленной к движению по наклонной плоскости. Человек вырубает ступени, чтобы подняться по склону, и таким образом стремится заменить наклонную плоскость последовательным рядом горизонтальных¹.

Факторы происхождения человека в освещении различных авторов и значение диалектического материализма для разрешения проблемы антропогенеза

В своей записной книжке в 1837—1838 годах молодой Чарльз Дарвин высказал следующие мысли о близости человека к животным: «Если дать простор нашим предположениям, то животные — наши братья по боли, болезни, смерти, страданию и голоду, наши рабы в самой тяжёлой работе, наши товарищи в наших удовольствиях — все они ведут, может быть, своё происхождение от одного общего с нами предка — нас всех можно было бы слить вместе».

Идея о том, что «нас всех можно было бы слить вместе», владела Дарвином в течение всей его жизни. Когда через 33 года после этих первых раздумий о происхождении человека Дарвин выпустил в свет свой основной труд, посвящённый этой проблеме, он в нём последовательно применил к человеку все выводы,

¹ Горы, однако, могли сыграть большую роль в жизни древнейших людей в другом отношении. Они в изобилии снабжали их материалом для производства каменных орудий. Горы могли приучить вести охоту загонем. Горы давали возможность укрыться от хищников на труднодоступных кручах.

полученные им ранее на основании изучения животного мира. Основными факторами происхождения человека Дарвин объявил изменчивость, наследственность, борьбу за существование и естественный отбор. Правда, Дарвин пришёл к выводу, что с помощью одного только естественного отбора нельзя объяснить всех отличительных особенностей человека. Известно, что для объяснения редукции волосяного покрова на теле у людей Дарвин привлёк в качестве важнейшей причины половой отбор. Тот же фактор, по его мнению, участвовал в выработке у человека звуковой речи и большей части расовых различий. Кроме того Дарвин отдавал себе отчёт в том, что причины даже крупнейших перемен в развитии культуры современного человечества не имеют ничего общего с естественным отбором.

Выдавая себя за сторонников теории антропогенеза Дарвина, выступили не только действительные его научные спутники и последователи, но и многие политические писатели, искавшие воззрения великого натуралиста. Авторы реакционных теорий в социологии использовали учение Дарвина о естественном отборе для того, чтобы незаконно распространить биологические закономерности на человеческое общество и представить историю человечества как борьбу «низших» и «высших» рас.

Необходимо, однако, указать, что очень большое число более серьёзных зарубежных исследователей, обогативших науку ценными материалами по сравнительной анатомии человека и палеоантропологии, тем не менее в области теории антропогенеза также пошли по пути шатких построений и предвзятых взглядов. Многие из них полностью или почти полностью отвергли учение Дарвина о роли отбора в эволюции органического мира.

Осборн предложил в 1933 году новую теорию эволюции, названную им «аристогенез». Аристогенез, по его мнению, — это «постепенное, веками длящееся, непрерывное, прямое адаптивное возникновение новых биомеханизмов. Это есть творческий процесс создания из генной плазмы совершенно новых наследственных признаков. Это есть совершающееся в порядке творение чего-то лучшего или более приспособленного». Эволюционный процесс, по Осборну, идёт прямо, определённым образом, направленно, по линии будущего приспособления. Осборн стоит на чуждых науке позициях телеологии и видит в развитии органического мира результат «творения путём эволюции».

Процесс развития человека шёл, по мнению Осборна, таким

же путём. Предок человека никогда не был обезьяночеловеком. Уже миллион лет назад, в глубине третичного периода, «человек зари» заключал в своей природе «сто процентов особенностей и потенциальных возможностей развития», которые наблюдаются у его потомка, т. е. современного человека. Третичный человек, по Осборну, обладая сильно развитыми лобными долями мозга, уже выделял орудия, планировал свои действия и изобретал. Впрочем, некоторую роль в происхождении человека Осборн всё-таки отводит и борьбе за существование.

Ещё более решительно восстаёт против теории отбора и роли среды в происхождении человека Брум (1935 год). Изменение типа предков человека, а впоследствии и самого человека шло, по мнению Брума, под влиянием высшей целенаправленной силы. Самым главным направляющим фактором в эволюции человека было увеличение мозга. Двухное хождение и освобождение руки были уже явлениями вторичными и развивались как следствия первого.

По поводу подобных теорий, игнорирующих отношения организма и среды, М. А. Гремяцкий справедливо говорит: «Сведение органической эволюции к внутреннему стремлению к переменам, естественно присущим «видовой идиоплазме» или чудесным образом вложенным в неё, ничего не в состоянии объяснить и само требует объяснения».

В течение последних лет со своей теорией антропогенеза выступал известный автор многочисленных монографий об ископаемых людях Франц Вейденрейх¹. По его мнению, ход эволюции человека нельзя объяснить ни с позиций Дарвина, ни с помощью принципов Ламарка. Эволюция гоминид, если основываться на палеоантропологическом материале, представляет типичный пример «ортогенеза», т. е. развития в определённом направлении. Основная ортогенетическая тенденция в эволюции приматов вообще и человека в особенности — увеличение размеров мозга и его дифференциация. Большая часть отличительных признаков черепа человека является следствием этой основной тенденции. Разрастанию мозга гоминид предшествовала выработка вертикального двухного хождения у их предков, создавшего благоприятные механические условия для роста мозговой полости черепа. Почему предки человека сменили древесную жизнь и ста-

¹ Немецкий антрополог, ныне работающий в США. Из Германии уехал много лет назад и долгие годы работал в Китае.

ли наземными? Потому, заявляет Вейденрейх, что пропорции их тела благоприятствовали такой перемене. Причина лежала только в строении организма, а не в его взаимоотношении со средой. Доказательством того, что отбор не играл никакой роли при превращении синантропа в современного человека, служит, по мнению Вейденрейха, то обстоятельство, что все вариации признаков зубов и нижней челюсти синантропа являются не случайными, а строго определёнными. Все их изменения идут в том же направлении, в каком шла эволюция человека.

Вейденрейх в общем следует концепции зоолога Теодора Эймера, с точки зрения которого подвиды и виды являются не чем иным, как группами форм, стоящими на известных ступенях «филогенетического роста». Этот процесс филогенетического роста совершается у сходных видов в одном направлении, но с разной скоростью. По Вейденрейху, так именно шла эволюция гоминид. Человек современного вида возникал независимо несколько раз в разных областях земного шара, в одних раньше, в других позднее. Разные расы представляют собой потомков различных древних и древнейших форм человека: монгольская раса происходит от синантропа, австралийская — от яванского питекантропа и т. п.

В новейших работах Вейденрейха (1945, 1946, 1947 годы) особенно резко обозначается идея о том, что в эволюции человека имело место не только абсолютное увеличение мозга, но и очень значительное увеличение массы мозга по отношению к массе всего тела. Различие в форме черепа между современными и древнейшими людьми, по мнению Вейденрейха, весьма сходно с тем, которое можно видеть при сравнении карликовых пород собак с крупными, например волкодавами. Кто же были те гиганты, от которых происходят современные люди? Вейденрейх строит новую генеалогию человека, используя замечательные находки на Яве и в Южном Китае, сделанные за последние годы. По его мнению, родоначальник человечества — гигантопитек, от которого сохранились три коренных зуба огромных размеров. Так, объём коронки верхнего зуба гигантопитека приблизительно в четыре раза больше, чем у современного человека; третий нижний коренной зуб (от другого индивида) в шесть раз больше по объёму, чем у современного человека. Следующим, более поздним звеном в цепи наших предков является, по Вейденрейху, мегантроп, от которого сохранился обломок нижней челюсти. О размерах последней можно судить по её толщине в области подбородочного

отверстия. У неандертальцев эта толщина в среднем равна 15,5 мм, на гейдельбергской челюсти, обладающей исключительной мощностью, эта величина равна 18,5 мм, у мегантропа же она достигает 26,6 мм. Следующей формой, ещё более поздней, является, по Вейденрейху, упомянутый выше «питекантроп IV», а его потомком — наименее массивный из всех, знаменитый питекантроп, найденный в 1891 году.

Эта схема встретила серьезные возражения у ряда советских учёных. Можно указать на отсутствие геологических и морфологических доказательств, которые оправдали бы построение Вейденрейха. Нет оснований утверждать, что названные формы принадлежали к разным слоям. Можно говорить лишь об очень большом разнообразии форм среди предшественников древнейших людей в начале четвертичного периода. Идея о том, что все человеческие расы происходят от «гигантов», остаётся недоказанной.

Все автогенетические теории¹ (число их можно было бы легко увеличить), исключающие роль среды и отбора в процессе происхождения человека, совершенно бессильны в объяснении приспособительного значения его особенностей. Они не согласуются также с фактами палеонтологии. Эти факты говорят о том, что вообще эволюция видов шла не по одному, а по многим, различным путям. Иногда эти пути имели параллельное направление; чаще они были расходящимися. Так в настоящее время смотрят палеонтологи, в частности, на хорошо изученную родословную лошади. Само собой разумеется, что число возможных путей эволюции для каждого данного вида не бесконечно велико и обусловлено его ранее приобретенными наследственными свойствами. Эта «направленность» эволюции может быть, однако, полностью объяснена с позиций теории Дарвина.

Авторы автогенетических теорий происхождения человека совершают по крайней мере две ошибки: одну — общебиологическую, неверно освещая закономерности развития в природе, другую — собственно антропологическую, уничтожая грань между человеком и животными.

С точки зрения диалектического материализма, проблема происхождения человека состоит не только в том, чтобы ответить на вопрос, как возникли древнейшие люди, но и объяснить, что нового принесли с собой в мир эти древнейшие люди и как это но-

¹ Автогенетические теории утверждают, что движущие силы эволюции заключены только внутри самих организмов.

вое предопределило путь их дальнейшего развития. В ходе эволюции человека изменялись не только анатомические особенности людей, менялась роль самих факторов эволюции. Отбор создавал формы, которые обладали способностью объединяться в производственные коллективы и тем самым уходить от власти отбора. Появлялось существо, которое самым фактом своей общественной жизни и производства орудий труда как бы вступало в борьбу с биологической борьбой за существование. Необходимость переменить древесную жизнь и стать наземным животным поставила предка человека перед тяжёлой задачей. Возникало противоречие между слабой природной вооружённостью этого высшего примата и грозными опасностями, которые подстерегали его на каждом шагу. Отсутствие в достаточном количестве растительной пищи заставило его перейти на полухищное питание. Но природа не наделила его зубами хищника. Названные противоречия в конечном итоге привели наших предков к изготовлению орудий из камня с острым режущим или рубящим краем, а также к использованию огня. Тем самым открывался новый, человеческий путь развития. Место пассивного приспособления к среде занимало активное изменение среды в процессе труда. Выживали такие коллективы, которые состояли из индивидов, способных к совместным трудовым действиям и к использованию взаимного опыта.

Что же явилось предпосылкой появления людей? Природные свойства тех животных, которые были их ближайшими предками. Человек не мог бы произойти от животных, лишённых способности к манипулированию предметами и не имеющих стадных наклонностей. Однако в процессе происхождения человека эти предпосылки не только использовались им как средства в борьбе с природой, но и преодолевались как препятствия, которые он должен был победить в себе самом. Бесцельное манипулирование предметами должно было превратиться в сознательные трудовые операции, а стадо — заместиться своей противоположностью, т. е. подлинно человеческим обществом. Но это превращение не могло осуществиться в форме постепенного перерастания обезьяньей возни с палками и камнями в труд и стадного объединения — в общество. Только коренная ломка древних предпосылок очеловечения обезьяны, только переворот в отношениях человеческих предков друг к другу и к окружающей природе, коротко говоря, только «скачок в развитии» мог привести к возникновению нового существа — человека.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Краткая история вопроса	3
Разногласия в вопросе о генеалогии человека	9
Гипотеза о «древесной стадии» в эволюции предков человека	16
Вопрос о прародине человечества и его различные решения	22
Факторы происхождения человека в освещении различных авторов и значение диалектического материализма для разрешения проблемы антропогенеза	25

Редактор — профессор М. А. Гремяцкий.

А 01315.

Тираж — 80 000 экз.

Заказ № 3686.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.